МАЙЯ РОВИНА

ПОСЛЕ МЕНЯ

18+

Майя Ровина

После меня

«Автор»
2026

Ровина М.

После меня / М. Ровина — «Автор», 2026

После развода Майя осталась для матери бывшего мужа почти родным человеком. Когда Татьяна Петровна просит найти старые приглашения к юбилею, Майя берётся помочь — и незаметно снова становится человеком, через которого решаются семейные вопросы. Даже те, которые давно её не касаются.У Андрея теперь другая женщина. Дарья не собирается вычёркивать Майю из чужого прошлого. Она хочет лишь сама решать, где её место в настоящем. А Майе предстоит понять, что именно она боится потерять: близость с прежней семьёй или возможность оставаться незаменимой.Психологический роман о разводе, семейной памяти и границах, которые сложнее установить, чем нарушить.

© Ровина М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кто ещё знает этот номер 6
Глава 2. Слово «свои» 11
Глава 3. Между делом 16
Глава 4. Все привыкли 22
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Майя Ровина
После меня

После меня

Глава 1. Кто ещё знает этот номер

Когда телефон зазвонил, я искала в кухонном шкафу вторую чашку.

Первая стояла на столе, с недопитым чаем. Вторую я так и не купила. Уже почти месяц собиралась: в магазине они продавались по четыре, а мне не хотелось четыре одинаковых чашки. Я всё ещё покупала вещи так, словно за каждую придётся перед кем-то отчитываться. Вот и сейчас открыла шкаф, хотя прекрасно знала, что там одна большая тарелка, две маленькие и банка гречки.

На экране высветилось: «Татьяна Петровна».

Я закрыла дверцу локтем. Сначала удивилась, что телефон вообще помнит этот контакт. Потом — собственному удивлению. Номера ведь не стираются оттого, что люди перестают быть друг другу родственниками.

— Майечка, здравствуй. Я не вовремя?

Голос был тот же: чуть торопливый, как у человека, который позвонил с конкретным вопросом, но всё равно начнёт с погоды. На заднем плане звякнула посуда.

— Вовремя. Я дома.

— Хорошо, что ты дома. Хотя нет, глупость говорю, извини. Я хотела спросить про один файл. Ты помнишь те приглашения, которые мы делали? Не последние, а ещё раньше. С золотистым краем, там надпись была красивая.

Я помнила пригласительные не по золотистому краю. Тогда принтер в мастерской заменил тёплый серый на грязно-синий, и мы трижды пересогласовывали макет. Я потратила почти целую субботу на телефонные разговоры из-за вещи, которую большинство гостей выбросили через неделю.

— Помню. А зачем они вам?

— К юбилею. Я подумала, раз тогда получилось хорошо, можно взять тот образец. И список там был, кажется. С адресами. У меня где-то бумажка лежит, а куда положила — сама не знаю. Ты случайно не сохранила всё это?

Я посмотрела на ноутбук. Он был открыт на рабочем столе, где вперемешку лежали заметки к консультациям, квитанция за аренду и папка с бессмысленным названием «Разобрать». Старые приглашения вполне могли быть там. За девять лет совместной жизни у меня накопилось несколько таких папок: фотографии, билеты, гарантийные талоны, чужие дни рождения. После развода я долго удаляла дубликаты, но к чужим семейным архивам не прикасалась. Казалось невежливым выбрасывать то, что когда-то было общим.

— Наверняка сохранила. Посмотрю.

— Если не трудно. Только ты, пожалуйста, из-за меня не сиди полночи. Мне бы саму картинку. Андрей говорит, можно и новую сделать, а мне та нравилась.

Я улыбнулась. Её «если не трудно» всегда звучало вполне искренне. Она действительно умела не требовать. От этого отказывать ей было несколько сложнее.

— Могу найти и переслать Андрею. Пусть у него будет образец. Или скажу вам, где в почте посмотреть, если вы хотите сами.

— Да ты только пришли ему. Он разберётся. Он обещал на выходных заняться, просто у него сейчас работы много.

Она сказала это без упрёка, обычным голосом матери, давно научившейся соотносить просьбы с занятостью сына. Я тоже знала, как он работает: если обещал к выходным, то вполне мог сесть в субботу утром и сделать всё за час. У него получались такие вещи. Я лишь не любила его способ хранить файлы — без красивых названий, зато в папке, где они действительно находились.

— Хорошо. Сегодня посмотрю.

— Спасибо тебе. Я бы сама попробовала, но у меня на телефоне всё куда-то исчезает. А с компьютера я вчера пароль не вспомнила. Вот видишь, какая у нас с тобой дружба: я тебе только из-за паролей звоню.

— Вы мне и без паролей звоните.

— Это правда, — сказала она, и в голосе появилась неловкая серьёзность. — Надо было раньше позвонить. Я всё собиралась узнать, как ты. Только думала, вдруг не захочешь разговаривать.

Я села за стол. Чай остыл настолько, что по поверхности плавал тонкий кружок лимона, уже ничего не отдававший воде.

— Я бы сказала, если бы не хотела.

— Верно. Ты всегда говорила прямо.

Я промолчала. Не потому, что согласилась. Мне стало интересно, где именно она помнила меня такой.

Татьяна Петровна спросила про работу. Я ответила, что расписание плотное, но теперь хотя бы понятно, где заканчивается рабочий день. Она рассказала о соседке, которая недавно принесла ей банку варенья и отказалась брать пустую обратно. Мы поговорили про странную московскую осень: утром уже хочется перчатки, после обеда снимаешь пальто и несёшь его в руках. Всё это было до смешного обычным. Между нами не возникало паузы, в которой следовало бы назвать то, что изменилось.

— А много людей приглашаете? — спросила я, когда она уже собиралась прощаться.

— Пока не знаю точно. Кого-то надо предупредить заранее. Из области приедут, наверное. Андрюша хотел сам всех обзвонить, но у него половины телефонов нет.

— Они могут быть в старом списке.

— Наверное. Я и забыла, что там телефоны тоже были.

В этот момент дело почти закончилось. Мне оставалось найти файл и отправить его Андрею. Татьяна Петровна поблагодарила бы ещё раз, а я вернулась бы к недопитому чаю. У неё был сын, у сына — выходные и собственная голова. Ни один из них не просил меня устраивать юбилей.

Я спросила:

— Хотите, я тогда сразу приведу список в порядок? Чтобы у вас были имена и номера в одном месте. Вы скажете, кого точно зовёте, а я отмечу, кому уже позвонили.

— Май, зачем тебе это? Я же просто приглашения искала.

— Мне недолго. Всё равно файл открою. И вам не придётся каждый раз искать бумажки.

Она помедлила. Я слышала, как где-то в комнате хлопнула форточка.

— Но ты же работаешь. И у тебя свои дела.

— Это не помешает. Я вечером смогу иногда отвечать. Вы только напишите, если кто-то подтвердит.

— Ну... если ты действительно хочешь. Только я Андрею скажу, чтобы не сваливал всё на тебя.

— Не надо ему ничего говорить. Я же сама предложила.

— Ладно. Тогда мне будет спокойнее. Ты в этом всегда лучше разбиралась. Но, если устанешь, сразу говори. Обещаешь?

— Обещаю.

Она ещё раз спросила, не отвлекает ли меня, и повесила трубку после третьего «спасибо». Я положила телефон экраном вверх, допила холодный чай и открыла на ноутбуке поиск.

Папка нашлась неожиданно быстро. В ней лежали четыре версии макета, два изображения золотистого края, итоговый PDF и таблица контактов. Я проверила, открывается ли файл, и уже хотела отправить его Андрею. Но сначала переименовала старую таблицу, чтобы не пере-

путать с новой. Потом создала отдельный документ — пустой, только с колонками «Имя», «Телефон», «Ответ» и «Примечание».

В пустом документе было что-то приятное. Можно было занести туда кого угодно, передвинуть строку, убрать лишнюю колонку. Никто ещё не написал ни одного сообщения, которое пришлось бы искать среди других.

Я открыла переписку с Татьяной Петровной. Последнее сообщение было давним: короткое поздравление, на которое я тогда ответила смайликом и словами «Спасибо большое». Я помнила, что долго подбирала эти два слова, словно от их количества зависело, насколько чужой я теперь ей стану.

Сегодня подбирать было нечего.

В 20:17 я отправила:

«Татьяна Петровна, нашла старые приглашения и список. Я соберу новый список гостей и буду отмечать подтверждения. Пишите мне, кому позвонили и кто приедет. Вам не придётся это держать в голове».

Утром Андрей прислал ссылку на таблицу.

Сообщение пришло в восемь сорок шесть, когда я собиралась на работу и пыталась застегнуть браслет часов одной рукой. Под ссылкой было написано: «Мама сказала, ты нашла старый список. Я уже начал новый. Там не все номера, но фамилии почти все. Если хочешь, дополни».

Ни «извини, что опять тебя впутали», ни «помоги, пожалуйста». Обычное сообщение человека, у которого тоже есть дела и который, кажется, совершенно не сомневается, что с этими делами справится.

Я открыла ссылку с телефона. Таблица сначала показала мне восемь пустых столбцов и несколько строк, похожих на адресную книгу управляющей компании. Андрей всегда называл файлы так, будто через три года их понадобится найти человеку, который не знает всей предыстории. «Юбилей_мама_гости_черновик» было написано сверху. Я усмехнулась: это название он наверняка считал окончательным.

Когда экран повернулся, обнаружилось, что таблица вовсе не пустая. Там были имена, телефоны, отметки «позвонил», «жду ответ», «перезвонить в среду». В отдельном столбце Андрей написал, кто доберётся сам, а кому понадобится машина от вокзала. Несколько строк были выделены жёлтым: в комментариях к ним стояли даты и короткие пояснения. У одной тёти — не тот номер, надо спросить у мамы. Дядя Витя сможет ответить после командировки. Семья из Тулы пока не решила, останется ли ночевать.

Он проделал довольно много работы. Этого нельзя было не заметить даже на маленьком экране.

Я отложила телефон, застегнула наконец браслет и пошла ставить чайник. Вчера вечером я уже создала свой пустой документ: «Гости — юбилей». Он лежал на моём диске. В его четырёх аккуратных столбцах пока не было никого, кроме заголовков. Если принять Андрееву ссылку как рабочую, мне оставалось внести туда старые номера — или вообще ничего не делать. Но я сразу подумала, что в его таблице нет отдельного места для подтверждений от Татьяны Петровны. Она могла позвонить кому-то сама, а мы с Андреем потом оба посчитали бы гостя неподтверждённым.

Это было решаемо одним дополнительным столбцом. Я знала как.

За завтраком я открыла ноутбук и скопировала список к себе. Сначала — из осторожности: вдруг кто-нибудь нечаянно удалит строку в общем документе. Потом решила, что данные лучше не смешивать со старым архивом. Я вставила имена из Андреевой таблицы в свою и добавила столбцы «Кто связывался», «Последний ответ», «Что ещё уточнить». В его версии было не очень понятно, кого следует спросить при противоречии. В моей противоречия можно было увидеть сразу.

Среди заголовков Андреевой таблицы был ещё один, которого я сначала не заметила: «Кто звонит». Почти везде напротив фамилий стояли его инициалы. Он собирался обзвонить людей сам, а не просто переслать матери справочник. В двух строках стояло «мама», в одной — имя родственницы, которая обещала сообщить о приезде соседей. Я оставила эти пометки в примечаниях: удалять чужие договорённости было бы странно. Но главной колонкой в своём документе сделала «Ответ получен». От кого именно этот ответ поступит, можно было уточнить потом. В таком порядке вся работа казалась мне заметно проще.

У Александры Васильевны стояло «позвонить повторно». Я перенесла отметку в «Не подтверждено». У семьи из Тулы — «жду ответ». Я оставила именно эти слова. Телефон дяди Вити исправила по старому списку, но выделила серым: номер мог измениться. Ничего из Андреевой работы не пропадало. Просто теперь всё выглядело так, как мне было удобнее вести.

В девять семнадцать телефон завибрировал.

«Ты увидела?» — спросил Андрей.

«Да. Отлично, что ты уже собрал. Я перенесла к себе и добавила графы, чтобы не путаться с ответами».

Он ответил не сразу. Я успела проверить расписание первой консультации и закрыть ноутбук.

«Я специально сделал ссылку общей, — пришло наконец. — Можно же прямо там исправлять. Так у всех будет один список».

Я остановилась посреди комнаты с сумкой в руке. В его сообщении не было раздражения; может быть, он просто объяснял, зачем дал ссылку. Но я уже потратила полчаса на свой документ и знала, что он понятнее его таблицы. Кроме того, Татьяна Петровна вчера обещала писать мне. Если ответы начнут приходить в личные сообщения, кто-то всё равно должен будет переносить их в общий файл. Почему бы не мне?

«У тебя всё нормально сделано, — написала я. — Только мама будет отвечать мне, а не в таблицу. Чтобы не получилось двух разных подтверждений, я пока соберу их в одном месте. Потом поделюсь ссылкой».

«Ок. Как тебе проще».

Это был весь разговор.

Я доехала до работы и вернулась к списку лишь в обеденный перерыв. За утро Татьяна Петровна прислала две фамилии и голосовое сообщение, из которого выяснялось, что соседку, возможно, тоже надо приглашать. Я занесла обе фамилии, рядом с соседкой оставила знак вопроса. Затем отправила Андрею ссылку на свою таблицу.

«Вот здесь актуальная версия. Старую можешь не обновлять, я всё перенесла».

Он прислал значок поднятого большого пальца. Я обычно не любила такие ответы. С ним нельзя было понять, одобряет ли человек твою идею или просто заканчивает переписку. Впрочем, на этот раз я решила не уточнять. Ему не требовалось ничего от меня, и мне тоже не требовалось немедленного ответа.

Вечером обнаружилось, что Андреев документ остался открытым. Он поставил напротив одной фамилии «подтверждено»: очевидно, человек перезвонил ему напрямую. В моей версии эта строка всё ещё значилась как ожидающая ответа. Я исправила её и подумала, что надо бы объяснить всем, где теперь искать правильные сведения. Если каждый будет пользоваться своим файлом, путаница неизбежна.

Я могла просто написать Андрею: «Ты обновил свою строку, я обновила свою. Давай договоримся, кто ведёт одну таблицу». Но тогда пришлось бы ждать, пока он ответит, и обсуждать, почему мой вариант лучше. Пять минут назад он ещё был в сети, а теперь последняя отметка исчезла.

Я открыла семейную переписку, в которой давно почти не писала. Сверху висела фотография Татьяны Петровны с внучатым племянником на даче — чужой ребёнок, которого я

видела, кажется, дважды. За время, пока я отсутствовала в разговорах, чат продолжал жить: кто-то отправлял снимки цветов, поздравлял с праздниками, спрашивал рецепт пирога. Это было неприятно лишь первые несколько секунд. Затем я нашла строку ввода и прикрепила ссылку.

«Всем привет. Чтобы мы не потеряли ответы по юбилею, я свела старые контакты и то, что Андрей уже собрал, в одну таблицу. Здесь буду отмечать, кто подтвердил участие. Если кто-то вам ответит, пишите, пожалуйста, мне — внесу сразу. Так не придётся сверять несколько списков».

Сообщение выглядело разумно. В нём не было ни просьбы отдать мне руководство, ни слова о том, что Андрей сделал что-то не так. Наоборот, я упомянула его работу. Перед отправкой перечитала два раза, проверяя, не получится ли слишком начальственно. Потом нажала стрелку.

Первой ответила Татьяна Петровна: «Спасибо, Майечка, очень удобно». Следом кто-то поставил сердечко. Андрей ничего не написал, но я видела, что он прочитал сообщение. Я собиралась закрыть чат, когда на экране появилось имя его двоюродной сестры Наташи. Мы встречались на семейных праздниках; её муж Женя обычно приезжал позже всех, потому что работал по субботам.

«Майя, нам с Женей два места считать или одно, если он приедет позже?»

Глава 2. Слово «свои»

— Два места, конечно, — сказала Татьяна Петровна и подвинула ко мне блюдце с вареньем. — Женя ведь всё равно приедет. Пусть позже, но приедет. Что же ему, стоя есть?

Я поставила отметку напротив Наташиной фамилии. На этот раз вопрос из семейного чата я принесла в бумажном блокноте: у Татьяны Петровны на кухне интернет то появлялся, то пропадал, а смотреть вдвоём в мой телефон она не любила. С очками на цепочке ей было неудобно наклоняться к экрану; она предпочитала отодвинуть лист на край стола и видеть всё сразу.

— Можно и без этих списков, — заметила она. — Я бы Наташе ответила сама.

— Вы и ответили. Я только записала.

Татьяна Петровна вынула из чашки пакетик чая, намотала нитку на палец и с минуту пыталась попасть им в пустое блюдце. Я не стала помогать. Когда-то она говорила, что у меня всё время заняты руки: либо что-то поправляю, либо кого-нибудь удерживаю от неловкости. Кажется, она считала это комплиментом.

— А ты сама-то как? — спросила она. — Не по телефону, а так, чтобы я тебя видела.

Я рассказала про работу. Не про людей, с которыми работала, — о них я не рассказывала даже близким, — а про расписание, про необходимость оставлять между встречами хотя бы десять минут. Татьяна Петровна слушала без вопросов. На подоконнике у неё стояла новая лампа для растений. Она включила её, хотя за окном ещё было светло, и объяснила, что знакомая научила её выращивать зелень зимой. Пока получался один тонкий пучок укропа.

— Зато свой, — сказала она и засмеялась. — Ни на что не похож, но свой.

Мы съели по бутерброду, не открывая ни списка, ни ноутбука. Я спросила, не тяжело ли ей одной возиться с приготовлениями. Она ответила, что тяжело было бы, если бы ей не хотелось праздника. А ей хотелось. Не большого торжества, не длинного стола и не человека с микрофоном, который будет объявлять тосты по очереди. Хотелось однажды собрать людей, с которыми можно говорить не через телефон, и чтобы никто не торопился домой после первой чашки чая.

— Вы кого-нибудь особенно хотите увидеть? — спросила я.

— Лиду. Только она, может, не поедет. У неё дорога неудобная, вечером возвращаться трудно. Мы могли бы в другой день встретиться. Ещё Нину из соседнего подъезда. Она за мной прошлой зимой присматривала, когда я с температурой лежала. Хорошая женщина, но за большим столом она растеряется. Знает только меня.

— Лида — это кто? — спросила я, раскрыв блокнот.

— Лидия Николаевна. Мы вместе работали. Ты с ней не знакома. — Она помедлила. — Хотя сейчас я даже не уверена, надо ли её приглашать. Она не любит такие вечера. Лучше я сама к ней схожу.

Я записала имя, поставила вопросительный знак и оставила место для телефона. В таблице уже были отдельные графы для дороги и ночёвки. Можно было добавить ещё одну — «особые обстоятельства», но на бумаге это выглядело бы слишком казённо.

— А Нина? — спросила я.

— Нина зайдёт и без приглашения. Она тут рядом. Я ей пирога обещала как-нибудь испечь. Как только соберусь.

— Так давайте позовём её на юбилей. Будет повод.

— Ей и без повода можно прийти. — Татьяна Петровна посмотрела на меня поверх очков. — Знаешь, у меня же есть жизнь и без этого праздника.

Я засмеялась. Она тоже, но почти сразу спросила, не холодно ли мне у окна, и придвинула ко мне маленький обогреватель, хотя я сказала, что тепло. На холодильнике висела фото-

графия компании на прогулке, сделанная недавно: Татьяна Петровна, две женщины, которых я не знала, и пожилой мужчина в смешной шапке. Она рассказала про поездку в Коломну. Они заблудились, ели какой-то ужасный суп и всё равно договорились поехать ещё раз.

Я слушала и узнавала человека, которого раньше видела чаще всего за подготовкой чужих ужинов. Она говорила о том, что хочет на выставку, что решила отказаться от одного кружка из-за позднего автобуса, что соседка Нина умеет чинить молнии и раздражается, когда её за это благодарят деньгами. Я не помнила, чтобы за общим семейным столом у Татьяны Петровны находилось столько времени на собственные рассказы. Возможно, тогда я просто не спрашивала.

— И всё-таки, — сказала я, когда она встала за чайником, — с Лидией Николаевной лучше определиться сейчас. Если она не приедет, можно подумать, кого посадить рядом с вами. А Нину хотя бы предупредить, чтобы не решила уехать на дачу.

— Какую дачу? У неё дачи нет.

— Ну, просто чтобы ничего не планировала на этот вечер.

— Майечка, до декабря ещё далеко. Лида сегодня может сказать одно, а через месяц передумать. И я могу передумать. Разве мы обязаны сейчас обещать друг другу, где будем сидеть?

Я положила ручку поперёк блокнота. Она была права насчёт декабря. Даже место проведения мы ещё не выбрали окончательно, и никаких карточек на стол не заказывали. Но число гостей всё же надо было знать заранее. И если не начать сейчас, всё соберётся в один огромный разговор за неделю до праздника, когда никто ничего не вспомнит.

— Я не говорю, что все должны сразу согласиться, — ответила я. — Можно просто узнать, кто в принципе готов. Я отмечу предварительно, а потом уточним.

— Так ты у них спросишь?

— Вы лучше сами. Они же ваши подруги. А я запишу, какой ответ.

Она вернулась с чайником и вдруг улыбнулась совершенно иначе, не той благодарной улыбкой, которую я уже успела привыкнуть получать за список.

— Вот за это спасибо. Я не хотела бы, чтобы Лиде звонили от имени какой-то организации. Она всё равно спросит: «Что, сама не можешь?» И будет права.

— Конечно, сами, — сказала я. — Я только напомню, чтобы не потерялось.

— Про Лиду я не забуду.

— Тогда про Нину. Или про обеих. В конце недели, например.

Татьяна Петровна посмотрела на блокнот и закрыла его ладонью.

— Ты же ко мне просто так пришла? — спросила она.

— Просто так. И про список поговорить.

— Я была рада, что просто так. — Она погладила обложку, словно разглаживала загнувшийся угол. — Приходи как-нибудь без своего блокнота. Не всё ведь надо планировать.

— Я могу и без него, — сказала я.

Она отняла руку. Разговор вернулся к Коломне, к маленькому музею, в который они так и не попали. Татьяна Петровна предложила однажды съездить туда вдвоём. Я не знала, насколько серьёзно это предложение, и не стала выбирать дату. Её голос при этом звучал легко, и мне хотелось, чтобы она не пожалела о сказанном.

Уходя, я забрала с собой баночку варенья. Она завернула крышку в салфетку, чтобы не испачкалась сумка, и, уже стоя в прихожей, спросила, почему я давно не приходила. Я ответила, что не знала, удобно ли. Она сказала, что у неё нет расписания приёма гостей и что для меня чайник найдётся всегда. Не «потому что Андрей», не «как раньше». Просто для меня.

В лифте я достала телефон, чтобы написать ей спасибо. Потом открыла список: напротив Лидии Николаевны и Нины оставались два вопросительных знака. Они не мешали никому, но я уже представляла, как через месяц буду искать этот разговор среди десятков сообщений.

Я перешла в календарь. Выбрала ближайшее воскресенье, поставила время на семь вечера и набрала: «Татьяна Петровна — уточнить Лиду и Нину; сообщить предварительный ответ». В поле напоминания нажала «сохранить».

Ссылку на кафе Андрей прислал в общий чат ещё в понедельник. Я заметила её только во вторник утром, когда открыла таблицу проверить, не ответил ли кто-нибудь за ночь.

«Мама это место знает, — написал он. — Я разговаривал с администратором. В декабре свободны два вечера, но им нужен примерный состав гостей. Если подходит, можно предварительно забронировать зал. Без предоплаты пока».

Татьяна Петровна поставила под сообщением сердечко. Наташа спросила, будет ли там удобно добираться от метро; Андрей ответил, что идти минут семь. На этом обсуждение закончилось. Никто не решил, кто должен позвонить ещё раз, и я уже представила, как один из декабрьских вечеров заберёт кто-нибудь другой, пока мы переписываемся про погоду.

Я открыла сайт кафе. На фотографиях столы стояли близко друг к другу, но помещение выглядело уютнее, чем в большом ресторане. Были видны окна, деревянные подоконники и дверь в маленький отдельный зал. Я отправила ссылку Татьяне Петровне лично.

«Вы в этом месте действительно хотите праздновать?»

Ответ пришёл голосовым. Она сказала, что однажды заходила туда с подругой и ей понравилось, только тогда в зале было очень шумно. Для юбилея, наверное, надо спросить, можно ли закрыть отдельную комнату. И ещё она не хотела бы, чтобы гости сидели в тесноте, как в автобусе. Я переслушала дважды, чтобы ничего не перепутать.

Мне не требовалось выбирать за неё зал. Нужно было выяснить условия. Номер на сайте был общий, зато под фотографией имелась форма «Запрос на мероприятие». Я щёлкнула её и заполнила дату, пока свободный вечер не пропал.

В поле «Количество гостей» я сначала набрала двадцать семь. В моей таблице числились девятнадцать человек с достаточно ясным ответом и ещё восемь, по которым требовалось уточнение. Восемь включали Лидию Николаевну и соседку Нину. Я вспомнила, как вчера Татьяна Петровна закрыла блокнот ладонью, и стёрла число. Написала: «Предварительно 25–30. Окончательно уточним ближе к дате». Это казалось честнее и оставляло место для новых людей.

Следующее поле требовало имя организатора и номер телефона. Я напечатала свои. Не потому, что Андрей отказался говорить с кафе; он уже разговаривал. Просто я находилась за ноутбуком, у меня была таблица и я могла быстро ответить, если администратор захочет что-то уточнить. Наверняка потом можно будет добавить ещё один контакт.

В графе пожеланий я перечислила вопросы Татьяны Петровны: отдельный зал, не слишком тесная рассадка, возможность разговаривать без громкой музыки. Слово «рассадка» я использовала в значении количества столов, а не мест для конкретных гостей. Не хватало только уточнения по вечеру. Я выбрала первый из двух вариантов и приписала: «Окончательное подтверждение даты — после разговора с именинницей».

Отправив форму, я написала Андрею: «Уточняю условия у кафе, которое ты нашёл. Мама хочет отдельный зал. Отправила примерное количество, пока без подтверждения».

«Ок, спасибо, — ответил он. — Я как раз собирался им перезвонить. Попроси, пожалуйста, узнать про начало вечера. Мама хотела не поздно».

Я ответила, что спрошу. К его сообщению хотелось добавить вопрос, будет ли он тоже связываться с администратором, но я уже отправила заявку от своего имени. Два одновременных звонка в кафе сделали бы то самое, от чего я пыталась избавиться: разные люди получили бы разные ответы.

Администратор позвонила через сорок минут. Я вышла из комнаты, где только что закончила рабочую встречу, и ответила в коридоре, глядя на часы.

— Здравствуйте, Майя. Вы оставляли заявку на декабрьский юбилей?

— Да, всё верно.

— У нас два зала, один больше, другой тише. По вашему количеству пока подходят оба. Вы хотите посмотреть фотографии или приехать на место?

— Лучше сначала фотографии. Решать будет именинница.

— Конечно. А тогда подскажите, пожалуйста, в какой мессенджер вам прислать варианты? И по времени: семь вечера вам подходит?

Я вспомнила слова Андрея и попросила предложить более раннее начало. Администратор уточнила несколько часов, зачитала условия по длительности мероприятия и обещала отправить фотографии. Ни один вопрос не был трудным. Мы закончили за три минуты, но телефон ещё дважды вибрировал, пока я возвращалась к работе: пришли снимки и короткое описание двух помещений.

Я переслала их Татьяне Петровне.

«Посмотрите, пожалуйста, какой вам больше нравится. Только в маленьком, кажется, тесновато, если все приедут».

«Красивый большой, — ответила она. — Но давай я с Андрюшей посмотрю вечером. Он же там был».

Я написала, что, конечно, пусть посмотрят вместе, и отправила Андрею те же фотографии. Он ответил через час: «А почему не тот маленький? Мама же хотела тихо, а там говорят, что звук не выходит в общий зал».

Я открыла переписку с администратором. Фраза про звук действительно была в описании маленького зала; я её пропустила, потому что первым делом посчитала стулья. Мне надо было просто переслать ему номер кафе. Он мог бы задать вопрос напрямую, и мать могла бы поговорить с ним, как собиралась.

Но я уже знала, что администратор обещала удерживать оба варианта до следующего дня. Эта информация пришла голосовым сообщением только мне. Андрей о сроке не знал. Если бы он позвонил, ему пришлось бы повторять всё сначала — или объяснять, почему с одним мероприятием обращаются два человека. Я решила сначала уточнить разницу между залами, а потом свести ответы в один понятный вариант.

«Сейчас спрошу про вместимость. Ответ дам вечером», — написала я.

Администратор ответила почти сразу: в маленьком можно разместить примерно столько людей, сколько было в заявке, если не оставлять широкий проход у окон. Если гостей станет больше, лучше большой. Я не стала выбирать. Переслала информацию Андрею, добавив, что окончательное решение, разумеется, за ним и Татьяной Петровной.

«Так им прямо можно позвонить? — спросил он. — Я бы сам посмотрел, если они ещё на месте».

Я прочла сообщение во время короткого перерыва и задержала ответ. Номер на сайте был тот же, что он сам нашёл несколько дней назад. Вопрос, вероятно, относился не к разрешению звонить, а к тому, ждут ли там кого-нибудь сейчас. Я всё-таки написала: «Можно, конечно. Но они прислали мне условия и придержат варианты до завтра. Я вечером сведу всё, чтобы не терять договорённости».

«Ладно. Тогда скинь маме всё сразу, она выберет», — ответил он.

К этому времени у меня оставалось пятнадцать минут до следующей встречи. Я собралась закрыть переписку, но Татьяна Петровна прислала фотографию бумажки с именами ещё трёх людей. Внизу она приписала ручкой: «Нину пока не трогать, я с ней сама поговорю». Я добавила троих в таблицу и исправила предварительное число: теперь диапазон стал немного шире. Подумала, что надо предупредить кафе, иначе их расчёт по маленькому залу окажется неверным.

Через несколько минут Татьяна Петровна перезвонила. Она хотела уточнить, не связана ли предварительная заявка с какой-нибудь обязанностью уже сейчас. Я ответила, что нет, мы только узнаём условия. Она облегчённо выдохнула и попросила не торопить её с выбором зала:

ей хотелось съездить посмотреть помещение своими глазами, а Андрей обещал составить компанию. Я сказала, что это хорошая мысль, и пообещала узнать часы, когда можно приехать. У них уже был номер кафе, но я почему-то не предложила позвонить самим.

В чате администратор уже спрашивала: «Майя, тогда по согласованиям продолжать писать вам? Чтобы мы не тревожили именинницу разными вопросами».

Я могла отправить туда Андреев номер и написать, что окончательные решения принимают они с матерью. У меня была его фотография профиля, я даже видела, что он сейчас в сети. Но вместо этого ответила: «Да, пока мне. Я оперативно передам им варианты и подтверждения».

Ответ пришёл через минуту. Администратор прислала короткую карточку предварительной заявки с датой, количеством гостей и пометкой, что выбранный зал ещё не подтверждён. В последней строке было написано:

«Ответственная — Майя».

Глава 3. Между делом

Татьяна Петровна встретила меня в прихожей с двумя листками в руках. Один был меню кафе, второй — запиской от соседки Нины. На обоих она успела поставить галочки, но совершенно разные: в меню — аккуратные, карандашом, в записке — огромные, шариковой ручкой, как будто хотела убедить саму бумагу, что не забудет ответить.

— Ты раздевайся, — сказала она. — Только не садись пока к столу, я там всё разложила. А то опять начнём чай пить и ничего не решим.

Я сняла пальто, повесила его на знакомый крючок и подумала, что в прошлый раз она, наоборот, просила приходить без блокнота. Сегодня блокнот лежал у меня в сумке. Вынимать его я не собиралась, пока она сама не попросит.

На кухне пахло печёными яблоками. Татьяна Петровна вынула из духовки форму, поставила на деревянную доску и осторожно отогнула край полотенца. За окном темнело, хотя было всего около пяти. Лампа для укропа на подоконнике светилась сиреневым, делая кухню немного нездешней.

— Я посмотрела залы с Андрюшей, — сказала она. — Маленький мне нравится больше. Там можно разговаривать. И администратора встретили хорошую. Ты её знаешь, конечно.

— По телефону.

— Ну вот. Только с едой надо определяться. Они прислали варианты, а я не понимаю, зачем столько закусок. Я же не свадьбу устраиваю.

Я взглянула на лист. В верхнем углу значилось имя администратора, ниже шли три варианта меню и расчёт на человека. Татьяна Петровна подчеркнула суп в одном варианте и рыбу в другом. Кажется, ей не хотелось ни того ни другого.

— Можно собрать своё, — сказала я. — Они писали, что блюда можно менять местами.

— Вот и хорошо. Я хочу, чтобы люди просто нормально поели. Без этих башенок из еды. И торт я, может, сама испеку. Не для всех, небольшой. С яблоками. Андрей его любит.

— Надо будет спросить, разрешают ли приносить своё.

— Спросим. — Она улыбнулась. — Я ведь и сама могу спросить. Когда мы приезжали, мне визитку дали.

На холодильнике, под магнитом в виде чайника, лежала белая карточка с номером кафе. Я заметила её сразу, но почему-то всё равно мысленно открыла переписку с администратором. У меня там были цены, фотографии, два голосовых сообщения и обещание прислать уточнённое меню. У Татьяны Петровны была одна визитка, но это не означало, что она хуже осведомлена.

Мы сели за стол. Она налила чай в две разные чашки, одну с тонкой синей полоской, другую с выцветшими розами. Я невольно вспомнила свой кухонный шкаф и четыре одинаковые чашки, которые так и не купила.

— Давай на минуту про гостей, — сказала Татьяна Петровна. — Не про Лиду и Нину, их я сама позову. Там Андрей будет с Дарьей. Их двоих запиши, пожалуйста. А то в твоём списке я его одного видела.

Я держала чашку за ручку. Чай был горячий, обжигал палец возле края, но я почему-то не переставила её на стол.

— С кем? — спросила я.

— С Дарьей. — Татьяна Петровна подняла глаза от меню. — Андрюша с Дарьей придёт.

Я поставила чашку. Чай плеснул в блюдце, маленькой коричневой лужицей, и я потянулась за салфеткой раньше, чем она успела заметить.

— Это кто? — спросила я.

Татьяна Петровна помедлила.

— Девушка его. Я думала, ты знаешь.

Я развернула салфетку, промокнула блюдце и сложила мокрый край внутрь. Вроде бы всё было понятно. Андрей развёлся со мной давно. Последние месяцы мы общались то из-за каких-то бумаг, то по делу. Он не был обязан рассказывать мне о человеке, с которым встречается. Именно это я и думала. Мысль успела целиком сложиться, пока я смотрела на салфетку.

— Конечно, — сказала я. — Просто у меня в таблице пока нет этого имени. Дарья — это имя, да? А фамилия?

— Не знаю. Зачем тебе фамилия?

— Для списка. В кафе же спрашивают по количеству, а потом могут захотеть карточки с именами.

— Пока они спрашивают только количество.

— Ну да. — Я потянулась к сумке. — Я потом уточню. Они давно вместе?

— Майя.

В её голосе не было упрёка, только моё имя, сказанное чуть отчётливее, чем обычно. Я убрала руку с сумки.

— Что?

— Мы меню смотрим. Ты спросила, кто это. Я ответила.

— Я и про меню спрашиваю. Если человек придёт, надо понимать, в какой компании он будет сидеть. Вдруг она никого не знает.

— Вот и познакомится. Мы же все когда-нибудь впервые за один стол садимся.

Татьяна Петровна сняла очки и положила рядом с меню. Я знала это движение: она так делала, когда собиралась говорить не о бумагах. Раньше я видела его перед разговорами с Андреем о праздниках, поездках и семейных спорах. Теперь она смотрела прямо на меня.

— Я не знаю, давно они вместе или нет, — сказала она. — Он её недавно привёл знакомиться. Милая, спокойная. Знаешь, какая я: мне сразу хочется человека накормить. А она спросила, где я взяла эту лампу для растений. Потом мы полчаса говорили про укроп.

На подоконнике укроп стоял всё такой же тонкий и беспомощный. Я смотрела на него, пока Татьяна Петровна убирала очки в футляр.

— И сколько ей лет? — спросила я.

— Я не спрашивала.

— А чем занимается?

— Может быть, рассказывала, я не запомнила. Майя, тебе зачем всё это?

— Я же сказала: чтобы не ошибиться с приглашением.

— Ты уже знаешь, что нужно два места. — Она слегка подвинула ко мне меню. — Если Андрей захочет ещё что-нибудь объяснить, сам объяснит.

Я наконец отпила чай. Он успел остыть ровно настолько, чтобы можно было не спешить. Ничего плохого не произошло. Мать Андрея говорила о его новой женщине без восторга, без сожаления, без осторожного взгляда на меня. Как будто назвала человека из соседнего подъезда. В этом спокойствии не было жестокости. Но я не знала, куда деть несколько приготовленных ответов, для которых никто не дал повода.

— Я ведь не против, — сказала я.

— А я и не спрашивала, против ты или нет.

Она произнесла это так просто, что я не нашлась, что ответить. В другом разговоре я могла бы рассмеяться над собственной важностью. Здесь же вдруг стало неудобно за то, сколько вопросов я задала о чужой знакомой женщине, прежде чем спросить, любит ли именинница рыбу.

— Торт ты мне поможешь выбрать? — спросила Татьяна Петровна, вернувшись к листу.

— Конечно. Хотя если вы сами печёте, то выбирать нечего.

— Это я ещё подумаю. Мне не хочется весь день провести у плиты. Я обещала себе, что на юбилей буду нарядная и с причёской, а не с прихваткой. — Она похлопала по меню. — Давай рыбу оставим. Только без этого соуса, который никогда непонятно из чего.

Мы ещё десять минут обсуждали горячее и число тарелок. Я пыталась слушать, но всякий раз, когда она говорила «нам», мне хотелось понять, кого это «нам» теперь включает. Татьяна Петровна сама вычеркнула лишнее блюдо, сама выбрала, когда будет удобно встретиться с администратором. Я ничего не возражала и даже не предложила позвонить за неё. Это была её вечеринка; я могла помочь и так.

У администратора была ещё одна просьба: заранее прислать список гостей, которым нужно отдельное меню. Я перевернула лист и нарисовала маленький квадрат в углу. Татьяна Петровна могла не знать, кому что подойдёт, но через Андрея это выяснялось бы без труда. Я произнесла его имя и зачем-то добавила:

— И Дарью спросить, она что ест? Вдруг ей нужна какая-нибудь особенная подача.

— Так мы её и спросим, — сказала Татьяна Петровна. — Не нужно заранее придумывать, что человеку нужно. Андрей тоже пусть скажет, что хочет. Он в прошлом году вообще отказался от горячего, помнишь?

Я помнила. Тогда он приехал с работы поздно, взял хлеб, сыр и долго разговаривал на балконе с двоюродным братом, пока мы следили за духовкой. От того, что мне вспомнился этот вечер, не следовало никакого полезного вывода о нынешнем меню. Я закрыла ручку колпачком, а маленький квадрат оставила пустым. Пусть Татьяна Петровна сама спросит о еде у тех, кого приглашает.

Уже в прихожей она дала мне кусок яблочного пирога в контейнере, снова сказав, что мне некогда готовить для себя. Я хотела возразить, но он пах корицей, и я забрала его без спора.

— Передай Андрею, что два места внесла, — попросила она. — А то я ему сказала, что у нас всё согласовано, а потом подумала, вдруг ты не знаешь.

— Передам.

На лестничной площадке я достала телефон. В семейном чате по-прежнему лежала моя ссылка на список, а ниже — фотографии двух залов. Андрей ответил там на чей-то вопрос про парковку. Я могла просто заменить напротив его имени число «1» на «2». Гостей стало бы на одного больше, и дело было бы закончено.

Но в таком случае оставалось бы непонятно, чей это второй человек. Я открыла документ, нашла строку «Андрей Соколов» и нажала «Добавить строку».

В ячейке под его именем я написала: «Дарья».

Дома я переложила яблочный пирог из контейнера на тарелку. Татьяна Петровна положила его с запасом, на двоих, хотя знала, что я живу одна. Внутри у пирога был ещё тёплый край, и кухня пахла корицей совсем не так, как пахла до моего прихода: здесь давно никто не пёк. Я отрезала себе маленький кусок, а потом зачем-то второй, более ровный. Второй поставила рядом и стала искать на телефоне номер Андрея.

Я знала, что он не спит рано. В прежние годы мы иногда звонили друг другу из соседних комнат, когда один из нас искал зарядку или не мог вспомнить, где лежат ключи. Теперь мне требовалось настоящее объяснение, зачем я звоню. В таблице имя Дарьи было вписано без фамилии, но именно это меньше всего мешало закончить подготовку юбилея.

Я открыла нашу переписку. Последние сообщения — про кафе, номера гостей, маленький зал — выглядели так, будто между нами был общий проект с одним заказчиком. Сначала я написала: «Мама сказала, что вы придёте вдвоём. Добавила Дарью в список». Предложение было законченным. Отправить его — и всё.

Я не отправила. Нажала на значок звонка.

Он ответил после пятого гудка.

— Привет. Что-то срочное?

На заднем плане у него звучала вода, словно он мыл посуду. Я сразу вспомнила, как раздражалась прежде на его привычку разговаривать по телефону и одновременно убирать кухню. Мне казалось, что он слушает вполуха. Теперь меня это почти успокоило: он был занят обычным делом, а не готовился к трудному разговору.

— Нет, ничего срочного. Я у твоей мамы была. Мы меню смотрели.

— И как? Она выбрала маленький зал? Мне он понравился.

— Кажется, да. Хочет сначала ещё раз с ними обсудить, что можно принести свой торт. Но я не про зал.

Вода перестала шуметь.

— А про что?

— Она сказала, что ты будешь с Дарьей.

— Да, — ответил Андрей. — Собираемся вместе.

Это «да» вышло таким простым, что несколько следующих слов я потеряла. Я стояла у раковины, держала телефон у уха и смотрела на две тарелки. Можно было сейчас сказать: «Хорошо, я записала». Вместо этого я спросила:

— Почему я узнаю об этом от твоей мамы?

Он не ответил сразу. В трубке снова зашумела вода; потом что-то звякнуло, вероятно, стакан о сушилку.

— А когда мы с тобой об этом разговаривали? — спросил он наконец.

— Мы почти каждый день переписываемся.

— Про юбилей.

— Я же гостей записываю, Андрей. Для меня это не совсем посторонний вопрос.

— Записать двух людей вместо одного — конечно, не посторонний. Я не знал, что мама тебе ещё не сказала. Думал, она всё передала.

— Ты мог и сам сказать.

— Мог. — Он признал это без спора. — Честно, не подумал. Мне показалось, что если мама приглашает нас вдвоём, она тебе и напишет. Это её праздник.

Я открыла кран, чтобы сполоснуть вилку, но воды не включила. Рука осталась на холодном металле. Я ожидала другого ответа: что он боялся меня задеть, что искал удобного момента, что не хотел ничего скрывать. На любой из этих вариантов можно было бы ответить великодушно. Его невнимательность к тому, что я должна узнать первой, оставляла меня без готового выражения лица.

— И ты давно с ней встречаешься? — спросила я.

— Майя, мне неудобно обсуждать это вот так. Не потому, что это секрет. Просто не понимаю, зачем тебе подробности.

— Чтобы не поставить вас в странное положение на празднике.

— Тогда спрашивай про праздник. Что именно тебе нужно знать?

Я подошла к столу и поставила телефон на громкую связь. Рядом лежала открытая таблица. В строке Дарьи пустовали столбцы «Телефон», «Ответ» и «Примечание». У Андрея всё было заполнено, кроме выбора блюда. Мне вдруг показалось, что я могу назвать любой из этих столбцов и вопрос станет обоснованным.

— Она точно придёт? — спросила я.

— Пока да. Мама её пригласила. Дарья сказала, что хочет приехать, если не будет работы. Ближе к дате уточним.

— Что ей есть? Там три меню, можно выбрать другое горячее.

— Она сама скажет. Мама собиралась спросить. Да и я спрошу.

— Хорошо. Тогда куда её сажать?

Андрей засмеялся, но без насмешки — коротко, скорее от неожиданности.

— А мы уже рассадку делаем? До декабря ещё уйма времени.

— Кафе просит хотя бы понимать количество. Я не собираюсь никого рассаживать прямо сейчас.

— Тогда просто запиши нас двоих. Мы можем рядом сесть, если это вообще нужно отдельно указывать.

Я открыла столбец с примечаниями и написала «вместе с Андреем». Посмотрела на фразу и стёрла. Получалось так, словно у Дарьи не было другого способа быть приглашённой. Вписала «согласование ближе к дате». Это было длиннее и почти ничего не означало, зато подходило под любой случай.

— У меня там ещё вопрос по залу, — сказала я. — Маленький тихий, но если все приедут, будет тесно. Я пока держу оба варианта, администратор обещала прислать новую схему.

— Схему я видел. Мы с мамой на месте стояли. Она хорошо представляет, сколько там столов.

— Просто у неё сейчас больше людей в списке. Прибавились Лида, Нина и ещё трое.

— Мама сама решит, кого позовёт. Если не помещаемся, выберем большой.

— Я и не спорю.

Он помолчал.

— Ты устала? — спросил он.

Вопрос был опасно знакомым. Когда мы были женаты, он так спрашивал перед тем, как предложить мне перестать на ночь искать идеальный способ устроить чей-то день рождения. Тогда я часто слышала в этом просьбу оставить его в покое. Сегодня ничего такого в его голосе не было. Он, наверное, просто заметил, что я отвечаю резче обычного.

— Не устала. Я нормально себя чувствую.

— Хорошо. Ты очень выручаешь маму. Я вижу, сколько ты всего делаешь.

Я опустилась на стул. В старые времена такая фраза стала бы концом ссоры. Мне хотелось услышать, что он замечает мои усилия. Теперь он произнёс её спокойно и добавил:

— Только тебе не надо из-за всего этого менять своё расписание. Мама может мне звонить. И в кафе мы можем разобраться сами.

Слово «можем» я услышала яснее остальных. Он не пытался отнять у меня работу — во всяком случае, я не видела в этом угрозы, — но вдруг оказалось, что у задачи есть другие исполнители. Они существовали всё время, пока я составляла документы, выбирала названия граф и собирала ответы в одном месте.

— Я уже взялась, — сказала я. — Не хочу бросать на половине.

— Так никто не просит тебя бросать. Можно просто договориться, кто за что отвечает. Ты список ведёшь, я помогу с залом и транспортом. Мама решит, кого хочет видеть. Не обязательно всё проводить через одного человека.

В этом было много здравого смысла. Мне даже хотелось поблагодарить его, как благодарят за помощь коллегу, с которым не приходится спорить. Вместо этого я вспомнила, что он уже не тот человек, с которым мне следует договариваться о каждом вечере. От этого голос стал чужим и почти официальным.

— А с Дарьей вы сами договоритесь, как вам удобно, — сказала я.

— Конечно. — Он помедлил. — Майя, я не хотел, чтобы ты узнала так случайно. Но я правда не понимал, что должен тебе сообщить раньше, чем мама начнёт звать гостей. Мы ведь больше не живём вместе.

— Я помню, — ответила я.

Он ничего не добавил. Я тоже молчала. В моей квартире тихо щёлкнул холодильник. Где-то за стеной передвинули стул. Я вдруг остро почувствовала, что в его кухне по-прежнему есть свои кружки и сушилка для посуды, а здесь — мои две тарелки и ни одного общего обещания, которое нужно исполнять по вечерам.

— Ладно, — сказала я. — Пришли, пожалуйста, когда будете точно знать по дате. И по меню я потом соберу варианты.

— Пришлю. Спасибо.

После звонка я открыла переписку. Вместо недописанного сообщения о двух гостях там мигал курсор. Я стёрла его и написала новое: «Хорошо, добавила Дарью. По декабрьскому вечеру жду вашего подтверждения». Нажала отправить. Так было проще: в этом сообщении всё относилось к празднику и ничего — к тому, что я успела представить за вечер.

Таблица оставалась открытой. Я проверила, что рядом с Дарьей стоит отдельная строка, а не пометка «плюс один». Хотела уточнить у Андрея её фамилию, потом решила, что сейчас это действительно не нужно. Но в переписке уже набрался следующий вопрос. Он был короткий, почти вежливый, и никак не связан с кафе.

«А ты хотел мне вообще рассказать о ней?»

Я посмотрела на написанное и оставила его в поле ввода, не отправляя.

Глава 4. Все привыкли

В среду утром я нашла в переписке с Андреем вопрос, который оставила там накануне. «А ты хотел мне вообще рассказать о ней?» — стояло в поле ввода, и рядом мигал курсор, будто я до сих пор решала, какие слова подобрать.

Я стёрла текст. Андрей не мог ответить на вопрос, которого не получал, а я успела выспаться и подумать о нём совершенно иначе. Событий за ночь не прибавилось. Просто в девять начинался рабочий день, и мне надо было разобраться с одним переносом консультации до того, как придёт первый человек.

О переносе мы договорились за пять минут. Я занесла изменение в календарь и потянулась закрыть телефон, когда поверх рабочего уведомления появился семейный чат.

Наташа написала: «Майя, привет! Подскажи, пожалуйста, по рассадке. Мы с Женей вдвоём, он приедет позже. Я могу сесть рядом с тётей Клавой, чтобы она одна не сидела? Ты ведь знаешь, кто где будет».

Я уже собиралась ответить, что никакой рассадки нет. До праздника оставалось несколько недель; Татьяна Петровна ещё решала, кого пригласить, а кафе прислало лишь примерную схему зала. Но Наташа в одном сообщении соединила два разных вопроса. Первый касался пожилой родственницы, которую действительно не стоило оставлять одну в дальнем углу. Второй — меня: она решила, что я знаю не только список имён, но и где каждый человек будет сидеть.

«Пока мест не распределяли, — написала я. — Можно поставить тебя и Клавдию Сергеевну рядом в предварительном варианте. Только уточни, пожалуйста, захочет ли она сама».

Наташа поставила сердечко и через минуту ответила, что тётя Клава будет рада, ей трудно разговаривать через весь стол. Я вписала это в примечания. Получилась не рассадка, скорее пожелание. Оставалось добавить к заголовку колонки слово «предварительно» — и никто бы не принял её за утверждённый план.

Но в чате уже появился следующий вопрос. Александра Васильевна, та самая, которой Андрей собирался перезвонить, сообщила, что приедет на такси с подругой и хотела бы сидеть ближе к выходу. «Если это можно устроить, спросите у Майи, она за всё отвечает», — написала она, отвечая не мне, а Наташе.

Я перечитала сообщение. Подруга Александры Васильевны до сих пор не значилась в списке: Татьяна Петровна говорила только про одну гостью. Я могла спросить, приглашена ли вторая, но это выглядело бы так, будто я проверяю право человека прийти на семейный праздник. Вместо этого написала: «По месту учтём. Насчёт второго человека я сначала уточню у именинницы».

Татьяна Петровна появилась почти сразу.

«Саша, привози Веру, конечно. Я ей ещё сама позвоню. Майечка, поставь их рядом, ладно?»

«Поставлю в пожелания», — ответила я.

«Спасибо тебе, золотая. Я тут с Лидой разговариваю, она всё-таки думает приехать».

Мать Андрея не звучала как человек, у которого отняли возможность пригласить собственных гостей. Она прямо назвала Веру и обещала ей позвонить. И всё же технический ответ на её решение теперь шёл через меня: я превращала «пусть приедет» в две строки и отметку у двери. В чате эту работу видели лучше, чем сам разговор с подругой.

В десять двадцать семь я закрыла переписку. Через восемь минут она открылась снова: Наташа прислала фотографию схемы маленького зала из переписки с кафе. Схема была той самой, которую администратор раньше пересылала мне, только теперь поверх неё пальцем нарисовали кружок.

«Вот здесь тётя Клава нормально сядет? — спросила Наташа. — Там же не проход?»

Я увеличила картинку. За круглым столом в углу стояли шесть стульев. Около ближайшего прохода действительно было тесно, но сказать это уверенно по рисунку я не могла. Андрей с матерью уже ходили смотреть зал. Они знали его лучше меня.

«Лучше не обещать конкретное место до окончательного списка. Андрей был там, можно у него спросить, насколько свободно возле двери», — написала я.

Андрей ответил: «У окна места хватит, если этот стол не придвигать к стене. Но мама просила без специальных табличек пока. В пятницу я ещё раз заеду, сниму короткое видео».

Это был нормальный ответ. Никто не спорил, чей родственник сидит ближе к двери. И всё же Наташа написала не ему, а мне: «Май, тогда ты поставь пометку, а он уже посмотрит. Чтобы мы не потеряли».

«Хорошо», — ответила я.

Перед следующей консультацией я открыла таблицу. У неё появилась новая колонка «Пожелания по месту». Я добавила туда Клавдию Сергеевну, Наташу, Александру Васильевну и Веру. Для Веры отдельной строки раньше не было; пришлось уточнять телефон. Потом перенесла схему зала в соседнюю вкладку, чтобы не искать фотографию по сообщениям. Строки стали длиннее, и таблица теперь открывалась на телефоне с боковой прокруткой. На всё ушло почти двадцать минут, которые я рассчитывала потратить на заметки после встречи.

В тот же момент в личные сообщения пришла фотография Александры Васильевны: паспорт не её, а снимок билета на поезд, на котором половину цифр закрывал палец. Она спрашивала, нужно ли брать такси до кафе или кто-нибудь встретит у вокзала. Я переслала вопрос Андрею: он раньше отмечал транспорт в своём списке и собирался заказывать машину для тех, кому трудно добираться. Андрей ответил, что решит это сам, только попросил дать номер поезда целиком. Я спросила Александру Васильевну, можно ли передать ему её телефон. «Конечно, — написала она. — А почему он мне сам не пишет?» Я посмотрела на вопрос и не нашла для него короткого ответа. Номер я переслала, а в таблице поставила пометку «Андрей связывается напрямую». Через несколько минут пришло: «Спасибо, Майя! Тогда если что — тебе напишу». И оказалось, что даже когда вопрос был передан туда, где ему место, прежний адрес для ответа никуда не исчез.

Позже Андрей прислал мне сообщение: «Я позвонил, встретит водитель от вокзала, всё нормально. Не надо тебе дублировать». Не приказал убрать запись, не попросил отдать ему таблицу. Просто сообщил результат. Я нашла строку Александры Васильевны и написала «Транспорт: Андрей, согласовано». На телефоне новая пометка заняла две строчки, и пришлось снова прокручивать таблицу вправо. Я могла убрать этот пункт совсем: договорённость уже существовала между ними. Но тогда во время праздника кто-нибудь спросил бы у меня, куда делся автомобиль, а у меня не оказалось бы ответа. Я оставила запись — не для них, как уверяла себя, а для собственного спокойствия.

Я поймала себя на том, что записываю рабочие мысли на обороте чека, потому что блокнот лежит под ноутбуком, а ноутбук занят чужим праздником. Чек оказался из аптеки; я перевернула его чистой стороной вверх и написала две строки. Ничего страшного не случилось. Вечером можно будет перенести заметки аккуратно.

В обед позвонила Татьяна Петровна. Я вышла с телефоном в коридор, где слышно было, как соседка по площадке закрывает дверь.

— Ты там с местами уже начала? — спросила она.

— Только пожелания собираю. Никому ничего не обещала.

— Правильно. Я хочу сначала понять, кто вообще придёт. Александра с Верой — это замечательно. Но Лида ещё думает. И Нина сказала, что зайдёт ненадолго, если не будет своих дел.

— Я всё отмечу.

— Ты уж, пожалуйста, не пытайся всех рассадить заранее. Мы ведь можем в тот вечер сами стулья подвинуть.

— Конечно можем. Это просто чтобы знать, кому тяжело ходить и кому удобнее рядом.

— Ну хорошо. Ты обедала?

Я посмотрела на контейнер с гречкой, который стоял на столе с утра.

— Сейчас собираюсь.

— Тогда иди обедай, — сказала она. — А про Клаву мне лучше Наташа сама скажет. Не нужно тебе их всех по одному выяснять.

Я обещала и отключилась. Через минуту пришло новое сообщение в семейном чате. Не мне: Андрей написал, что в пятницу заедет в кафе с матерью и они вдвоём решат, какой стол удобнее. Под сообщением было три отметки одобрения. Казалось, вопрос закончился.

Но затем двоюродный брат Андрея, Олег, спросил, может ли прийти его коллега Михаил — они давно вместе играли в шахматы с Татьяной Петровной, и коллега хотел поздравить её лично. Олегу требовалось не место за столом, а согласие именинницы. Он даже написал: «Если мама не против, я спрошу у неё вечером».

Наташа ответила раньше Татьяны Петровны:

«Олег, лучше напиши Майе. У неё сейчас весь список и места, она знает, что уже согласовано. Потом сама передаст тёте Тане».

Олег прочитал Наташино сообщение, но мне не написал. Вместо этого в общем чате появилось: «Маме набрал, с Михаилом всё хорошо, она его сама пригласила. Майя, можешь добавить в список, чтобы никто не забыл?»

«Добавлю», — ответила я. В этом случае даже не приходилось ничего решать: Татьяна Петровна поговорила с человеком, которого знала, и определилась. Я всего лишь записывала её решение. Для минутной работы было неважно, кто кому передал вопрос. Но, когда я открыла документ, увидела, что Олег уже спрашивал не о праве пригласить, а о том, кому сообщить результат. Эта перемена произошла так быстро, что заметить её отдельно было трудно.

Я внесла Михаила. В примечаниях указала: «Пригласила Татьяна Петровна, через Олега». Написала сначала «подтверждено», потом исправила на «приглашён»: человек ещё не сказал, приедет ли. На этом список можно было закрыть. Следующая консультация начиналась через двадцать минут, и я решила не открывать семейный чат до вечера.

Чат открылся сам, когда я взяла телефон посмотреть время.

Наташа прислала фотографию с одного из прежних юбилеев Татьяны Петровны. Люди сидели за длинным столом, кто-то встал с бокалом, а женщина на переднем плане закрывала рукой половину лица. Снимок был неловкий и хороший: по краям виднелись чужие локти и салфетки, зато никто не пытался выглядеть так, будто только что собрался ради фотографии. Татьяна Петровна стояла на заднем плане в домашнем платье и смеялась, не глядя в камеру.

«Давайте в этот раз нормально сфотографируемся, — написала Наташа. — Чтобы тётя Таня со всеми, а не только на обрезках». Кто-то предложил нанять фотографа на час. Другой родственник ответил, что у всех телефоны с хорошими камерами, зачем тратить деньги. Андрей пообещал принести штатив, который у него остался с поездки. Я помнила этот штатив: он раскладывался так туго, что однажды мы вдвоём пытались открыть его на набережной.

Татьяна Петровна написала: «Только без часа позирования, пожалуйста. Хочу и поговорить успеть». В ответ посыпались смайлики, а Наташа предложила один общий кадр после торта. Затем второй, «с семьёй». На слове «семьёй» разговор ненадолго остановился. Мне показалось, что все ждут, кто первым назовёт состав этой фотографии.

Александра Васильевна спросила: «Андрей с девушкой будут? Я её ещё не знаю». Андрей ответил: «Будем вдвоём, если у Даши не изменится работа». Никакого обсуждения не последовало, пока Наташа не написала мне лично: «Как Дарью поставить в список на семейный кадр? Не хочу, чтобы ей было неловко и всем тоже. Может, отдельную фотографию с тётей Таней?»

Меня смутило не предложение отдельного снимка, а то, что Наташа обратилась ко мне. Она могла спросить у Андрея, у Татьяны Петровны, наконец, просто оставить вопрос до праздника. С другой стороны, в моих документах имена уже были разложены по строкам, а на схеме кафе я обещала отмечать пожелания. В конце концов, разве не для этого и нужен один человек, который всё соберёт?

В общий чат я написала в 16:42: «По фотографиям пока ничего не закрепляем. Уточню у Дарьи, как ей будет удобнее. И у Татьяны Петровны отдельно спрошу, какие кадры она вообще хочет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.